

Нелегальные, хищнические способы добычи золота существовали всегда

Тех, кто занимался подобным промыслом, называли копачами.

На многолюдных приисках люди этой категории пробирались в шахту вместе с рабочими, когда после свистка команда выходила на смену. В штольне копачи сворачивали в просечки и шли без огня. Проникали они также через люк — наружное отверстие колодца шахты, по которому поднималась на канате нагруженная песком бадья.

Такой путь был сопряжен с большой опасностью. Свечу зажигали только на дне из боязни обратить на себя внимание караульных. Если решетка люка была заперта на замок, прутья ее распирали в противоположные стороны ломом.

Прибегали и к подделке ключа и печати от люка, добыв предварительно у сторожей слепки. Входили в сделку со служащими и полицейской стражей, заведующими охраной. Проникали вглубь (если иначе никак было нельзя) и посредством подкопов — или с поверхности, или из соседней, не соединяющейся с первой просечки.

Без всяких промерных инструментов, без всяких чертежей нелегальным добытчикам в посрамление иных патентованных инженеров часто удавалось попасть как раз в тот пункт, куда они стремились.

На знаменитом Сухом Логу одна шахта с забоями до 30 золотников содержания обрушилась. Хищники ухитрились проделать в нее ход. Артели в четыре человека за три дня удалось намыть 101 золотник.

Каждая шахта по мере отработки с расширением внутри ее пустот постепенно оседала. Деревянные крепи, не выдерживая громадного давления сверху, превращались в щепки. Потолок опускался до того, что пробраться по штольне можно было только ползком. Вода просачивалась всюду. В иных местах с вечной мерзлотой стены были украшены

ледяными наростами, сверху свисали громадные сосульки. Холодно, сыро и душно от недостатка воздуха. В таких условиях копачи работали, не выходя наверх по многу дней.

Самый страшный враг преступных старателей, основавшихся по соседству с работающими шахтами, — это угар. Перед свистком, извещавшим об окончании работ, для оттаивания мерзлой почвы рабочие раскладывали по своим забоям пожоги, насыпали кучи крупных древесных углей и зажигали, угарный газ разносился тягой воздуха. За неимением часов или по неверности показываемого ими времени не успевшие укрыться в просечки, расположенные в стороне от опасности, обрекались на неизбежную гибель.

Направление тока воздуха и присутствие углекислоты определяли по свече — наклону ее пламени и его ослаблению и появлению синеватого ореола. При этих признаках искали просечки, где бы свеча горела нормально.

Еда копачей во время работы была незамысловатая, но, как правило, далеко не скудная, а при богатой «достаче» — даже роскошная. Брли с собой ветчину, вареное мясо, соленую рыбу, хлеб, сахар, масло и мед. В мокрой шахте чай варился не больше двух раз в день, воду кипятили на стеариновых свечах. Чайник или котелок вместимостью 20-30 чашек требовал от одного до двух фунтов свечей, что стоило от 50 копеек до рубля. В сухих шахтах раскладывали небольшие костры и готовили даже горячую пищу — щи с мясом, суп с пресованной зеленью, макаронами, вермишелью. Крупы не употреблялись из-за долгой варки. Водки во избежание отвлечения от работы почти не пили.

Наиболее энергичная деятельность таких шахтолазов проявлялась в зимнее время. В старых выработках в это время и тяга сильнее, и воздух свежее. Летом же, напротив, воздух спертый, дышать трудно, работа идет вяло.

Казачьи обходы часто натыкались на трупы — жертвы угара или обвалов. Но статистики несчастных случаев не существовало — двери приисковых больниц для копачей были закрыты.

Около каждого большого золотопромышленного предприятия ютились крупные и мелкие паразиты, жившие исключительно скупкой золота. Они устраивались или на

арендованных приисках, или на своих собственных лишь со слабым содержанием золота, но рядом с богатым соседом. Иной такой «золотопромышленник» для легализации своего промысла даже симулировал промывку пустых песков, записывая часть купленного золота, как добытое якобы у себя.

Стан прииска скупщика иногда состоял из дома владельца, амбара или магазина с товарами и нескольких жалких избушек, каждая из которых сдавалась отдельному нанимателю, а тот, в свою очередь, пускал к себе на постой копачей. В тесном помещении обитали человек десять за плату по 50 копеек в сутки с души. Кроме того, квартиросодержатель имел доход от продажи продовольствия своим жильцам и с карточной игры. Днем и ночью в этих притонах шло веселье, пьянство и азартные игры. При посредстве спирта и лавки со всевозможным товаром, съестными припасами и инструментом, львиная доля заработка копача переходила в карман владельца. Он, со своей стороны, обеспечивал населению своего стана полную личную безопасность от хорошо оплачиваемой полицейской охраны.

Копачу даже в наемные рабочие дорога была заказана, потому что паспорта у него не было, а если и был, то давным-давно просроченный. Здесь же ему бояться было некого: урядник — свой человек, и если копач при «достаче», все ждали его как желанного гостя. Сдав золото и получив за вычетом долга порядочный куш наличными, он спешил в лавку или амбар, чтобы рассчитаться и преобразиться здесь в не всегда изящного, но щеголя. Кроме белья, рабочих сапог, азяма, шарфа, он покупал ботфорты непременно с глубокими калошами, костюм из трикотажа, шляпу, бобровую или каракулевую шапку, шелковую или гарусную вышитую рубаху, шелковый китайский пояс, шубу-барнаулку или ватное пальто. Особые модники обзаводились часами с длинной шейной серебряной цепью и золотым перстнем.

Часто бывало так, что на другой же день вчерашние герои оказывались у прежнего разбитого корыта: ни денег, ни франтовской одежды — все проиграно и пропито. В барышах оставались квартиросодержатель да шулеры. А копач вновь пристраивался к артели и лез в шахту.

Николай БЕЗУГЛЫЙ